

АЛЕКСАНДР БАЛЫБЕРДИН

ПРИТЯЖЕНИЕ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО

СТАТЬИ И ЭССЕ

Александр Балыбердин

**Притяжение Царства
Небесного. Статьи и эссе**

«Издательские решения»

Балыбердин А. Г.

Притяжение Царства Небесного. Статьи и эссе /
А. Г. Балыбердин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850372-6

Как Вы стали верующим и священником? Пожалуй, именно об этом спрашивают чаще всего. Что ответить? Очевидно, что это невозможно без Бога, а Бог там, где двое или трое собраны во Имя Его (Мф. 18, 20), то есть в Церкви. Значит, надо было встретить людей, которые явили бы Бога, помогли ощутить притяжение Его Царства и Его Церкви. Мне повезло — я таких людей встретил и хочу рассказать о них.

ISBN 978-5-44-850372-6

© Балыбердин А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Наши современники – святые Борис и Глеб	6
Незамеченный юбилей	7
О чем просить святых Бориса и Глеба?	8
За что погибли Борис и Глеб?	10
Чтобы Русь не была окаянной	12
От Святополка до Гитлера. Что дальше?	13
Где град стоял Никулицын	14
Начало	15
В пути	16
В Никульчино	18
Земное и небесное Никулицкого крестного хода	19
А смысл?	20
Земное	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Притяжение Царства Небесного Статьи и эссе

Александр Геннадьевич Балыбердин

Фотограф Александр Геннадьевич Балыбердин

© Александр Геннадьевич Балыбердин, 2017

© Александр Геннадьевич Балыбердин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-0372-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наши современники – святые Борис и Глеб

К 1000-летию подвига святых князей Бориса и Глеба

Что за странное название? – спросит иной читатель. – Святые Борис и Глеб жили тысячу лет назад. Разве они могут быть нашими современниками? Как неузнаваемо с той поры изменился мир и сама жизнь! Настолько, что, думается, окажись сегодня святые князья среди нас, не только мы прошли бы мимо, но и они не признали бы в нас своих соотечественников и потомков.

Незамеченный юбилей

Одно из доказательств тому – 1000-летие подвига святых Бориса и Глеба, которое в 2015 году Россия отмечает скромно, почти незаметно. В отличие от других юбилейных дат, в том числе 400-летия Дома Романовых и 100-летия начала Первой Мировой войны, о которых страна вспоминала на самом высоком уровне и вполне заслуженно, так как цари из династии Романовых внесли значительный вклад в её развитие, а Первая Мировая унесла жизни более 800 тысяч россиян.

Что в сравнении с этим княжеские труды Бориса и Глеба и даже сама их смерть? Другое дело – их отец и великий князь Владимир, креститель Руси, за свои выдающиеся труды названный святым и равноапостольным. Он настолько велик, что, поскольку *«большое видится на расстоянии»*, также с веками личность и дела святого князя Владимира только заметнее. Неслучайно, в юбилейном 2015 году Русская Православная Церковь посвятила основные торжества именно памяти князя Владимира, с чем святые Борис и Глеб, по сыновнему, конечно, согласны. Важно лишь, чтобы их подвиг был не забыт, не потерялся в тени великого отца.

Тысяча лет – вполне достаточный срок, чтобы мы смогли преодолеть *«скорбное бесчувствие»*¹ к судьбе святых братьев, а также к жизни других святых. В том числе к подвигу Новомучеников и исповедников прошлого века, с которыми многие из наших современников также не чувствуют близости и родства. Следовательно, дело не в давности лет, а чем-то другим. Возможно, в нашем отношении к святости. Дело в нас самих.

¹ [битая ссылка] Скорбное бесчувствие ([битая ссылка] лат. Anaesthesia psychica dolorosa) – литературное название психической анестезии, у больных которой наблюдается бесчувствие к близким людям, утрата способности переживать радость и любовь, ненависть и грусть.

О чем просить святых Бориса и Глеба?

Известно, что отношение к святым избирательно – к одним мы обращаемся чаще, к другим реже. Иконы Николая чудотворца, Пантелеимона целителя, а с недавних пор и матушки Матроны есть в любом православном доме. Икона святых Бориса и Глеба найдется куда реже. Скорее всего, только, если хозяин дома носит одно из этих имен и почитает святых князей своими небесными покровителями.

И, действительно, зачем? Ведь икона нужна для молитвы, просьбы. При этом святые помогают в том, в чём сами подвизались, чему посвятили свою жизнь, и за что Бог сподобил их – граждан Небесного Царства особой благодати помогать ныне живущим. Так святых Кирилла и Мефодия просят о помощи в учебе, святителя Спиридона – о помощи в житейских делах, святых Петра и Февронию – об укреплении семьи, мученика Антипу – об избавлении от зубной боли, мученика Трифона – о поиске работы. А о чем просить Бориса и Глеба? В чем они могут помочь?

Известно, что святые братья, как младшие сыновья великого князя Владимира, с юных лет были посвящены в премудрости управления *«русским миром»*. Поэтому удельные князья, как правило, просили у своих *«сродников»* Бориса и Глеба помощи в военных сражениях и государственных делах и не раз её получали – как, например, новгородский князь Александр в сражении на реке Неве или московский князь Дмитрий в битве на Куликовом поле.

Однако современные военачальники привыкли больше полагаться на военную технику, а правители – на высшее образование и полезные связи. Причем далеко не все из нас – воины и князья. Что же делать остальным? Как случилось, что сегодня, по прошествии десяти веков, наши современники не чувствуют потребности обратиться к святым Борису и Глебу с молитвой, потому что не знают, о чем их просить?

Ответ, который лежит на поверхности, понятен – на этом не могли не сказаться советские годы, когда миллионы людей силой государственного принуждения были оторваны от православной веры. Вряд ли современные студенты Российской академии музыки имени Гнесиных знают о том, что главное здание этой академии в г. Москве на ул. Поварской было построено на месте церкви святых Бориса и Глеба, разрушенной в советские годы. Как и гости Москвы не знают о том, что старый Арбат берет начало с площади, которую раньше украшал Борисоглебский храм. Сейчас на его месте возведена часовня.

Таких примеров не счесть. Фактически в каждом регионе и древнем русском городе известны храмы в честь святых Бориса и Глеба, которые в советские годы были закрыты и разрушены. Есть такой храм и в Вятской епархии. Это церковь в селе Никульчино, первый христианский храм на Вятской земле, с возведения которого летом 1181 года началась Православная Вятка. Изначально деревянный, в 1760-е гг. он был отстроен в камне, а в конце 1930-х гг. закрыт и разрушен. Возможно, лишь потому, что самим своим существованием напоминал о том, что и князья могут быть святыми, чего советская власть принять не могла.

Слава Богу, нашлись люди, трудами которых в Никульчино на рубеже тысячелетий была возведена деревянная Борисоглебская церковь. Так случилось, что автору этих строк посчастливилось стать сначала свидетелем её строительства, а затем – настоятелем этого храма и ежегодно 15 мая, в день перенесения святых мощей Бориса и Глеба, принимать участников Никульского крестного хода, история которого насчитывает уже более восьми веков. Советской властью это паломничество было запрещено и возрождено только в годы, которые сегодня принято называть *«Вторым Крещением Руси»*. Помнится, что во время размышлений над его судьбой не раз приходила мысль о том, что в конце XX века мы оказались там же, где памятным летом 988 года киевляне – у крещенской купели, опять в начале пути.

Тогда мы и представить не могли, что спустя несколько лет в Киеве – буквально в 15 км. от Вышгорода, где когда-то упокоились мощи святых Бориса и Глеба – снова разгорится пожар междоусобицы. Не потому ли, что несмотря тысячелетнюю историю почитания святых Бориса и Глеба мы так и не поняли, за что святые братья отдали свои жизни?

За что погибли Борис и Глеб?

Традиционный ответ – святые Борис и Глеб погибли за русскую государственность, молодую Киевскую Русь. И это было бы правдой, если бы Святополк, от руки которого погибли братья, был *«врагом государственности»* и стремился к распаду Киевской Руси. Но так ли это?

Историки могут ещё тысячу лет спорить о том, был ли Святополк сыном великого князя Владимира, и хотел ли тот лишить Святополка законных прав наследства и передать киевский престол младшему сыну Борису. Документально доказать эти намерения пока не удалось. Поэтому следует признать, что с формальной точки зрения первенство принадлежало Святополку, чего его младшие братья Борис и Глеб не оспаривали. Несмотря на то, что незадолго до смерти отца Святополк был схвачен и посажен вместе с женой и духовником в темницу за то, что не скрывал желания повернуть Киев после смерти отца от православного Востока к католическому Западу.

И все же назвать Святополка *«врагом государственности»* было бы несправедливо – поляки и печенеги, к помощи которых он прибегал в борьбе за киевский престол, являлись лишь временными союзниками и были изгнаны из страны вскоре того, как Святополк занял Киев. На тех же основаниях можно было бы назвать *«врагом государственности»* другого брата – новгородского князя Ярослава, который еще при жизни великого князя Владимира отказался платить дань Киеву и, чтобы противостоять отцу, нанял за морем дружину варягов.

Ошибка и вина Святополка состояли в другом – в том, что путь, по которому он повёл вести молодое Киевское государство в *«средневековый Евросоюз»* лежал через кровь его сводных братьев – ростовского князя Бориса, муромского князя Глеба и древлянского князя Святослава, убитых вскоре после восшествия Святополка на киевский престол. Путь Святополка оказался путем греха и злодеяния. Потрясенный этим, Ярослав из мятежника превратился в защитника Православной Руси и после победы над Святополком приложил все силы к тому, чтобы будущее государство было устроено по *«Русской правде»*², исключающей подобные злодеяния.

Таким образом, линия, которая летом 1015 года разделила сыновей великого князя Владимира прошла не между православием и католицизмом, Востоком и Западом, Россией и будущим Евросоюзом. Эта линия прошла между стремлением устроить государство, общество и саму жизнь на любви или на крови, между добром и злом и, в конечном итоге, между Богом и дьяволом.

Одним из первых всю остроту этого выбора понял и оценил преподобный Нестор Летописец, перу которого принадлежит *«Чтение о Борисе и Глебе»*³. К сожалению, широкому читателю *«Чтение»* Нестора известно меньше, чем одноименное *«Сказание»* Иакова Черноризца⁴, стяжавшее славу одного из величайших памятников древнерусской книжности. Однако если и уступает ему, то немногим и не глубиной осмысления произошедших событий.

Примечательно, что Нестор начинает *«Чтение о Борисе и Глебе»* с рассказа о грехопадении первых людей Адама и Евы и того, какую роль сыграл в нём враг рода человеческого – дьявол, *«издавна ненавидящий добро»*. Подобно этому, пишет преп. Нестор, совершилось и падение Святополка, а именно после того, когда *«враг»* (дьявол) вошел в его сердце,

² Русская правда – сборник правовых норм древнерусского государства, работа над которыми началась после победы великого князя Ярослава Мудрого над Святополком

³ *«Чтение о житии и погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба»* было написано прп. Нестором Летописцем (ум. 1114), который сам указал в тексте источника своё авторство.

⁴ Принято считать, что *«Сказание о Борисе и Глебе»* было написано в середине XI века в последние годы княжения Ярослава Мудрого и является наиболее ранним сочинением Иакова Черноризца (Якова Мниха). Хотя существует и мнение, что *«Сказание»* было создано после 1115 г. на основе *«Чтения»* прп. Нестора. Сохранилось более чем в 170 списках.

после чего «окаянный», то есть уподобившийся первому убийце Каину, решил погубить братьев. Подобно этому и все остальные события в «Чтении» прп. Нестора предстают, как борьба дьявола с Богом. Так, описывая убиение Бориса, автор восклицает: *«И вот идут посланные Святополком, рычащие как дикие звери, желающие поглотить праведника»*⁵. В чем внимательный читатель без труда заметит параллель с обращением Апостола Петра к христианам: *«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»* (1 Пет. 5, 8).

⁵ Здесь и далее текст «Чтения» приводится в переложении прот. А. Балыбердина.

Чтобы Русь не была окаянной

Возможно, кто-то скажет, что всё это не более чем яркие литературные образы, эпитеты и метафоры. Как, например, выражение «Святая Русь», о которой сегодня мы говорим и пишем, как о некотором идеале или мечте, не имеющих реального содержания. Однако, для самого прп. Нестора и его современников эти слова никогда не были только метафорой.

Святая Русь, за которую святые Борис и Глеб отдали свои жизни, была для них также реальна, как для нас реальна Святая Земля, Франция, Болгария или другая страна, в которой мы пока ещё не побывали, но мечтаем однажды посетить. Причём Святая Русь была для них не «за семью морями» или, как сказал Христос, не «здесь» и не «там» (ср. Лк. 17, 21). Она была рядом, под русским небом, среди лесов, полей и рек, которые отец – великий князь Владимир дал им в удел, и отличалась единственно тем, что в ней не было греха и страстей. «Ибо, – как писал современник прп. Нестора святитель Феофилакт Болгарский, – если мы, живя на земле, ведем себя по небесному, живем без страстей: то имеем Царствие Небесное»⁶. Частью этого Царства, «приблизившегося» (Мф. 4, 17) и засиявшего среди русских лесов, и была Святая Русь, за которую отдали свои жизни святые Борис и Глеб, и которую их старший брат князь Ярослав защитил от Святополка, спас для нас, чтобы и мы могли стать её гражданами.

Где находится это Царство? Очевидно, там, где пребывает его Царь Христос, Который сказал, что Он – там, где двое или трое собраны во Имя Его (ср. Мф. 18, 20), то есть во имя любви к Богу и ближнему, благодаря которой мы становимся жителями сразу двух миров – не только земного Отечества, но и Святой Руси.

Для святых Бориса и Глеба Святая Русь была не менее реальна, чем родной Киев. Неслучайно, получив во владение Ростов и Муром, святые братья начали править в них так, словно эти города были не земными, а небесными. Прп. Нестор пишет: «Блаженный Борис правил в своем уделе кротко и милостиво, заботясь не только о бедных и нуждающихся, но обо всех людям, и все удивлялись его кротости и смирению», и далее о младшем брате: «Глеб был молод телом, а умом стар и многие милости творил нищим, вдовицам и сиротам». И, хотя история не знает сослагательного наклонения, можно предположить, что, если бы князья Борис и Глеб не погибли в кровавой междоусобице, то под их управлением Ростов и Муром засияли бы поистине небесной красотой.

Не потому ли сегодня мы правим, поступаем и живем иначе, что не верим в реальность Царства Небесного и Святой Руси, которые для нас – не более чем метафора, литературный оборот, «благочестивая пропись». Если так, то мы все ещё далеки от христианства и Христа, Который пришёл благовествовать именно *приблизившееся Царство Небесное* (ср. Мф. 4, 17). Даже, если мы крещены. Как был далёк от Христа Святополк, несмотря на то, что был крещен в православной вере и носил имя Петра в честь святого Апостола. Однако без любви к Богу и ближнему христианство Святополка превратилось в «окаянство», и, если бы Святополк победил, то не только он – вся Русь под водительством своего «окаянного» правителя могла бы стать «окаянной».

Поэтому на вопрос, за что отдали свои жизни князья Борис и Глеб, можно ответить так – святые братья погибли за то, чтобы не только рядовые граждане, но и правители Руси, по заповедям Христовым, всё делали с любовью к Богу и ближнему. Чтобы Русь стала не «окаянной», а святой.

⁶ Толкование блаженного Феофилакта Болгарский на Мф. 3, 2. URL: <http://rusbible.ru/sinodal/mf.3.2.html#r-mf-3-2>.

От Святополка до Гитлера. Что дальше?

Тогда понятно, почему, несмотря на магию круглых дат, мы равнодушно проходим мимо 1000-летия подвига святых Бориса и Глеба или подвига Новомучеников XX века. Потому что, если человек не верит в реальность невидимого Царства Небесного, «горнего мира», то ему остаётся лишь одно – всей душой прилепиться к видимому, земному, «дольнему миру». Отчего мотивы и действия Святополка или Сталина нам более понятны и ближе, чем подвиг святых страстотерпцев или Новомучеников.

Понятно, почему даже, войдя в ограду Церкви, мы продолжаем требовать от святых все того же благополучия в земных делах – здоровья, успеха в учебе и работе, продвижения по службе, помощи в продаже или приобретении жилья и т. п. И почитаем лишь тех святых, от которых, по нашему мнению, это зависит, а о чём просить мучеников, не знаем. Между тем, именно кровь мучеников, по крылатому выражению Тертуллиана, является «семенем христианства». Само же греческое слово «*martis*» – мученик, переводится, как «свидетель», поскольку своим подвигом мученики свидетельствуют о верности Христу и невидимому Царству Небесному и, следовательно, о реальности этого Царства.

Тогда понятно, о чем просить святых Бориса и Глеба – о том, чтобы, по примеру и молитвам святых братьев, и мы во всех обстоятельствах своей жизни искали бы «прежде всего Царства Божия и правды его» (ср. Мф. 6, 33). Чтобы, как они старались жить по заповедям Христовым, так и нам помогали всё делать с любовью к Богу и ближнему, и тогда в пределах нашего Отечества – не в переносном, а в прямом смысле – засияет Святая Русь, Царство Небесное.

В противном случае, всё, что мы будем создавать без любви, станет Святополковым, «окаянным». «Окаянная» наука изобретёт новые способы уничтожения людей и природы, «окаянная» культура растлит души, «окаянное» образование подготовит необходимые для этого кадры, а «окаянное» государство осуществит их планы в «окаянном» масштабе.

Если кто-то сомневается в том, что это возможно, пусть вспомнит ещё один юбилей 2015 года – 70-летие окончания Второй Мировой войны, в которой участвовало 60 государств и погибло 55 млн. людей. Пусть вспомнит, что Гитлера остановил именно «крещённый мир» – страны антигитлеровской коалиции, солдаты которых, в своём большинстве, являлись христианами и ради прекращения этой братоубийственной бойни были готовы «положить свои души за друзей своих» (ср. Ин. 15, 13). Как когда-то тысячу лет назад это сделал князь Ярослав и его воины.

Что же впереди? Очевидно, что впереди всё тот же выбор между добром и злом, любовью и ненавистью, Богом и дьяволом, который, по-прежнему, «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8). Словно в напоминание об этом накануне 1000-летия подвига святых Бориса и Глеба в Киевской земле снова разгорелся пожар междоусобицы, в основе которой всё тоже Святополково желание прожить без любви, но с эффективным менеджментом.

Поэтому, как и тысячу лет назад, исход не только этого конфликта, но всей истории человечества будет зависеть от тех, кто призван стоять за любовь – от христиан. От того, будем ли мы стремиться жить по заповедям Божиим и не только в личной жизни, но также в государственном строительстве, военном деле, науке, образовании, культуре – одним словом, во всём – во главу угла ставить любовь к Богу и ближнему. Как всегда поступали и чему вот уже тысячу лет учат нас святые Борис и Глеб – наши современники.

2015

Где град стоял Никулицын

Воспоминания о Никулицком крестном ходе 15 мая 1997 года

Раннее майское утро. Где-то около шести. Город уже проснулся, но улицы пусты, и тонкий лед в замерзших лужах еще цел. Трудно сказать, каким будет день: небо неясно, а мокрый асфальт не обещает ничего хорошего, но вдруг где-то там высоко на миг просветлеет, и голубой разрыв облаков робкой надеждой согреет сердце. А как хотелось бы погожего дня! Сегодня, впервые в жизни, я иду в крестный ход, однодневный – из Волково в Никульчино и обратно – лесными тропами и лугами, еще не успевшими отдать солнцу весеннюю сырость вятских низин.

Начало

Во дворе Предтеченской церкви замечаю народ, преимущественно молодой: прихожане храма, воспитанники духовного училища, несколько знакомых лиц. Через минуту-другую подходит автобус и, положив в церковный ящичек «кто сколько может» на оплату хлопот водителя, паломники заполняют выдавший виды «пазик». Все очень буднично, даже обыденно, никакого «харизматического восторга» от предстоящего события. Нас ласково благословляет отец Андрей Кононов: «Вы уж помолитесь за нас». И в путь!

По Никольской-Ленина, за мост, мимо Дымково и Макарья, мимо пионерского детства в Зонихе, все дальше и дальше на Слободской. В пути знакомлюсь с Валерой Желниным, высоким молодым человеком с серьезным лицом и доброй улыбкой, учителем истории 45-й Кировской школы – о нем рассказывал мне Артем Маркелов, вместе с которым два года назад Валера предложил настоятелю Свято-Троицкой церкви села Волково о. Геннадия Кочурову возродить древний Борисоглебский ход.

Тогда же, 15 мая 1995 года, с благословения владыки Хрисанфа, впервые за многие годы, сорок паломников прошли с иконой святых страстотерпцев Бориса и Глеба из Волково в Никульчино и обратно. Местные жители пути не помнили, поэтому накануне о. Геннадия пришлось потратить добрую половину дня на его поиски, пока, наконец, глубоким вечером случайный мотоциклист не доставил изрядно уставшего батюшку ко взорванной Никулицкой церкви. Увиденное потрясло священника: на месте алтаря святого храма стояла какая-то трехметровая железная конструкция, увенчанная коровьим черепом. Когда на следующий день паломники пришли в Никульчино, черепа уже не было – словно ушла какая-то эпоха в истории села.

Пять верст от Слободского тракта до Волково наш автобус то взлетал к небу, то падал вниз, и вот за неожиданным переездом – село, и над столетними тополями не спеша плывет купол Свято-Троицкой церкви, к которой мы держим путь. Приехали.

Вступая на древнюю волковскую землю, замечаю небрежный рисунок дождя на асфальте и массивные каменные ворота перед входом в храм, чудом сохранившийся в годы лихолетья. Прислушиваюсь к разговору старушек, идущих на шаг впереди: там, у самой ограды волковского некрополя, под сросшимися корнями тополя-великана покоится почитаемый прихожанами старый батюшка-настоятель. Надо заглянуть на могилку, но над головой неожиданно проносится «бооом!» – это начинается служба, и мы спешим в храм.

Здесь все дышит стариной: и сами образа, и потемневшие от времени фрески на низких сводах, и потертые каменные плиты на полу, чуть просевшем у свечного ящика. Служат в Ильинском приделе не спеша, по-деревенски просто и трепетно. Храм постепенно наполняется светом и паломниками. Местных немного, хотя Волково и ныне – немаленькое село. Забежали на перемене мальчишки, постояли несколько минут и снова – на уроки. Мужчины все приезжие, вятские. Женщины в основном пожилые. Некоторые с детьми. Всего человек 40—50, не более.

В пути

Но вот служба окончена и, сотворив молитву, священники направляются к южной стене храма, аккуратно снимают с нее большую икону с клеймами и надежно крепят образ к носилкам из двух соединенных шестов, установленных в центре придела. И только тогда я понимаю, что икона, в двух шагах от которой я простоял всю службу, и есть тот самый «образ святой», который первые вятчане, еще на заре Вятской земли, «обещались святым Борису и Глебу с Никулицына во град Хлынов приносить и круг града хождение чинити и праздновати честне, дабы незабвенны были бывшая чудеса о поселении их на Вятке».

Вглядываюсь в святой образ: почти все пространство его покрыто тяжелой серебряной ризой; в центре – молодые князья Борис и Глеб, в полный рост, в сиянии Божественного света; на клеймах – мгновения жизни святых страстотерпцев. Как любима и почитаема была эта икона, столь щедро украшенная прихожанами Никулицкого храма. Его уже нет, а святой образ цел, и вот уже с пением тропаря он движется к выходу из церкви. Когда крестный ход спускается с паперти, носилки с иконой неожиданно прогибаются под тяжестью серебряной ризы, затем стремительно распрямляются и, оборвав крепление, икона падает на каменные ступени. Ее подхватывают у самой земли, крепят к шестам добротной алюминиевой проволокой, и снова – в путь.

За церковной оградой ход поворачивает направо, чтобы, теперь уже до самого возвращения в храм, идти навстречу солнцу. Идем по селу. Ни под окнами, ни в окнах домов – ни лица. Никто не выйдет навстречу, не поклонится святому образу. Словно идем в параллельном мире, незаметно для посторонних глаз.

Взяв благословение у предстоятеля, добровольцы каждые 10—15 минут меняют несущих носилки с иконой. Вот принял носилки у отца Бориса Бабушкина крепкий мужчина лет сорока, раза в два выше и шире малмыжского батюшки. На голове у мужчины – «пиратски» повязанный красный платок, короткая стрижка, загорелое лицо. Встретив такого на вечерней улице, ни за что не подумаешь, что он торопится ко всенощной. А вот он – с нами, и почему-то сердце от этого теплее становится на сердце.

Отец Геннадий идет, не сменяясь, от самых церковных врат. Набравшись смелости, подхожу к нему: «Благословите, батюшка!» Он улыбается в ответ: «Я еще понесу. Ты парнишке впереди помоги. Неудобно ему. Видишь, какой высокий напарник ему попался» – показывает о. Геннадий на мужчину в красном платке. Встаю на место юноши. Теперь мы с мужчиной идем в паре. За последним волковским домом крестный ход спускается в поле. Теперь попадать в ногу с напарником становится труднее, икона чуть колышется в наших руках. Переглянувшись, даем счет: «Раз-два-три, раз-два-три». Как в армии... А мы и есть армия: только вместо знамен пламенеют хоругви и вместо пушек – святой крест, да и брань наша не против людей. «Крестный ход идет – ад сотрясается», – сказал батюшка на проповеди. Значит, так и есть.

Кто-то принимает у меня из рук носилки: «Отдохни немного – путь немалый». Это о. Геннадий – да он сам только что подменился! Делаю шаг в сторону, и, чуть задержавшись, пропускаю вперед идущих. Крестный ход движется узкой лесной просекой туда, где за вершинами васнецовских елей синее маленькое кусочек неба. Платочки, платочки... Хор уже не слышен – святой образ ушел далеко вперед, но молитва не прервалась: ее шепчет старушка в сыром дождевике (оказывается, все это время моросит дождь), ее поют девочки-двойняшки, весело шагающие в свой, быть может, тоже первый крестный ход, ею наполнено сердце: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!». Маленькое православное воинство. Частичка Святой Руси.

Первая остановка на лесном берегу Никульчинки. Во время молебна неожиданно на несколько секунд выглядывает солнце. Лица светлеют. Слава Богу за все! Вслед за о. Ген-

надием спускаемся к реке. Там, где ее голубой изгиб теряется за кромкой леса, виднеются колокольня и купол волковской церкви. Не спеша, даже трепетно, батюшка опускает крест в воды Никульчинки и, за неимением водосвятной чаши, кропит нас водой из чей-то походной кружки. Отдых недолог. С первыми каплями дождя (не иначе святые Борис и Глеб зовут в дорогу) продолжаем наш путь.

Из леса дорога выводит к лугу, за которым вдаль виднеется серая полоска асфальта. На ней – случайная машина. Водитель в растерянности – он уже заметил нас и сейчас не знает, уехать или остаться? Он, конечно же, видит и иконы, и хоругви, и крест, понимает, что нас не надо бояться, и все же... садится за руль и скрывается за поворотом. Перевалив за трассу, снова уходим в лес, но уже широкой лесной дорогой, по которой до Никульчино уже менее часа пути.

Несу икону в паре с отцом Тихоном Меркушевым. Молчаливый, загадочный батюшка с молодыми, приветливыми глазами. У каждого из нас, конечно же, есть своя причина пройти этот путь: отец Геннадий – настоятель волковской церкви; отец Владимир Кириллов служит в соседнем Слободском; там же алтарничает Дмитрий Чураков, который сегодня идет в красивом стихаре, ни на шаг не отставая от священников; кто-то пробует силы перед ходом на Великую, кто-то, как о. Борис, пришел почтить своих небесных заступников. А что привело отца Тихона? Тайна. И все вокруг – тайна, непостижимый Промысл Божий, до времени скрывающий от нас и причины, и плоды нашего крестного пути.

На взгорке появляются дома. Это Никульчино. И снова никто не встречает крестный ход. Лишь какие-то люди, выйдя из землянки-овощехранилища в нерешительности остановились у самого края дороги, не зная, что следует делать в этом случае? За развилкой трех дорог вступаем в село, и вдруг неожиданно налетевший ветер опрокидывает на нас майский ливень! Да еще какой! Пока мы пять-десять минут идем к месту взорванной никулицкой церкви, огромные капли с силой колотят по нашим лицам и одеждам, сбивая с них пыль, смывая с души накопившуюся грязь. А небо только начинало светлеть...

В Никульчино

Наконец мы на месте! Что за простор! И можно ли быть ближе к небу? От неожиданности всей этой красоты на мгновение перехватывает дух. Здесь на высоком чудном берегу серебряной реки восемь веков назад, 24 июля 1181 года, прибегнув к небесной помощи святых князей Бориса и Глеба, новгородцы основали первое русское православное поселение на Вятке. И уже потом были Котельнич, Хлынов, Орлов, Слободской, Волково, Кстинино и сотни других поселений. Потом. В начале же был «град Никулицын» и в нем церковь во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба, откуда и пошла Вятская земля.

В алтаре той церкви, на красные кирпичи, мы ставим святой образ, некогда здесь бывший в почете. Как жаль, что никто из местных жителей так и не пришел разделить с нами молитвенную радость. Но это и не удивительно – сколько сил было положено на то, чтобы мы забыли и о Никульчино, о небесных заступниках России, о Христовой Церкви! Удивительно другое – святой образ стоит на фундаменте взорванного храма, и оставшиеся от него кирпичи плавно переходят в серебряные кирпичики на окладе иконы.

С первыми словами акафиста святым страстотерпцам небо над нами распахивается, и еще несколько минут капли дождя благодатной росой падают на землю, переливаясь в лучах столь неожиданного солнца. Я знаю, что за кратким отдыхом будут еще и обратный путь берегом Вятки, и наше возвращение в Волково под праздничный перезвон колоколов, и гудящие с непривычки ноги, и желание не расплескать, донести до ближних, до друзей эти мгновения первого в моей жизни крестного хода.

Но сейчас – время молитвы, время крестных ходов, время величания наших святых заступников: «Святые князья-страстотерпцы Борисе и Глебе, молитесь Бога о нас!»

1998

Земное и небесное Никулицкого крестного хода

15 мая православные вятчане снова совершат паломничество в Никульчино, где более восьми веков назад новгородцы построили первый православный храм и уже отсюда населились по всей Вятской стране⁷.

⁷ Согласно «Летописцу старых лет», «Сказанию о вятчанех» и «Повести о стране Вятской» 24 июля 1181 года пришедшие новгородцы захватили Болванский городок – культовый центр вотяков, расположенный близ слияния рек Вятки и Чепцы, и основали на его месте «град Никулицын», первое русское, православное поселение на Вятской земле.

А СМЫСЛ?

Цветущая весна. Светлые пасхальные дни. Посильный и радостный путь. Всего около двадцати километров. Быть может, именно потому среди паломников так много детей и молодежи. Немало среди них и тех, кто впервые пробует свои силы перед паломничеством на Великую реку, более трудным и продолжительным. Подобрать обувь и экипировку, вспомнить азы передвижения по пересеченной местности, испытать себя – в этом, действительно, есть смысл. И он был бы единственным, если бы целью крестного хода было лишь *пойти и дойти*. Возможно, для первого раза этого и достаточно. Но, если затем вы не откроете для себя другой, более глубокий смысл паломничества, то вряд ли снова пойдете в него. Не понимая, что самое главного – *то, чего глазами не увидишь* – так и не открылось вам.

«Ну, ходил (а) я в „ваш“ крестный ход», «ну, читал (а) я евангелие», «ну, бывал (а) я в храме на Пасху», «ну, видел (а) я „ваши“ иконы, и дальше что?». Эти вопросы задают, как правило, люди не только неглупые, но и знакомые с основами православной культуры. Судя по тому, что со следующего учебного года предмет под таким названием будет преподаваться уже повсеместно, скоро таких людей станет больше. Следовательно, и вопросы будут звучать чаще. Кому же, как не священникам, отвечать на них?

Несколько лет назад в статье «Пешешествия неофита в поисках смысла Великорецкого крестного хода»⁸ я предположил, что понимание этого паломничества как *пути из пункта А в пункт Б* не исчерпывает всех его смыслов, и по настоящему важно не то, *сколько раз ты ходил в крестный ход и сколько километров прошел, а как ты их прошел?* Пятнадцатилетний опыт сопричастности Никулицкому крестному ходу убеждает, что и его подлинный смысл также гораздо глубже, чем просто *пойти и дойти* или *потренироваться* накануне многодневного хода на Великую.

Но открывается он не сразу. Для этого надо не просто *сходить*, а *походить* в Никульчино; не просто *пролистать* вятские летописцы, *почитать* акафист или житие святых Бориса и Глеба, но *вчитаться* в них; не просто *увидеть* образ святых Бориса и Глеба, который носят с собой паломники, а *вглядеться* в него. И тогда весеннее пешешествие из Волково в Никульчино и обратно по вятским лесам и лугам, вдоль небольшой лесной реки наполнится другим, более глубоким смыслом. Пройдем этот путь и мы.

⁸ Балыбердин А., прот. Пешешествия неофита в поисках смысла Великорецкого крестного хода или откровенная беседа с друзьями о том, как я пошел в Великорецкий крестный ход, почему перестал в него ходить и пойду ли снова? URL: [битая ссылка] http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=282&Itemid=283 (дата обращения: 26.04.2012). Сокращенный вариант статьи: Балыбердин А., прот. Путешествия неофита в поисках смысла Великорецкого крестного хода // Журнал Московской Патриархии. 2010. №7. С.77—83.

Земное

Ранним утром 15 мая паломники собираются в Троицкой церкви села Волково, что расположено 25 километрах от областного центра. Вроде бы недалеко. И все же надо отпроситься с работы, отложить все домашние дела, встать пораньше, собраться в путь, сесть на первый автобус, да еще, бывает, пройтись около четырех километров до села, стоящего в стороне от Слободского тракта. Одним словом, на крестный ход надо решиться! Кто-то скажет – чего же здесь особенного? Однако это – не просто утренние хлопоты, но подлинный образ события, с которого началась история Православной Вятки.

А началась она летом 1174 года, когда жители Новгорода Великого – *самовласцы*, полноправные граждане – покинули свой родной город и отправились на поиски земель, где бы им не приходилось участвовать в распрях между князьями за богатый и вольный Новгород. Как сказано в «Повести о стране Вятской», *от междоусобия отойти и безмятежно жити*⁹. Среди них были не только воины, но также женщины, дети, ремесленники, возможно, и священники. Чтобы лучше понять, с какими опасностями был сопряжен этот поход, следует напомнить, что в те суровые времена человек мог рассчитывать только на себя, да на поддержку своих соплеменников, горожан. Покинуть город означало лишиться такой защиты. На это надо было решиться!

Также и мы сегодня, отправляясь в крестный ход, оставляем свой привычный быт и окружение, которое не всегда понимает, почему ранним майским утром нам куда-то надо ехать или идти. Тем более, когда мы живем в едином государстве, где нет княжеских междоусобиц. Однако, признаемся, что наша жизнь по-прежнему далека от идеала – *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте*. Поэтому утром 15 мая мы также оставляем привычный мир и отправляемся в путь на поиски страны, где в отношениях между людьми царствуют не разделение и насилие, а любовь и мир. И это совпадение – не единственное.

Известно, что, отправившись на поиски *безмятежной* страны, новгородцы шли реками – Северной Двиной, Волгой, Камой, Чепцой и Вяткой, которые в то время были главными путями сообщения в наших лесных краях. И сегодня паломники также большую часть пути идут вдоль реки Никульчинки.

Путь новгородских переселенцев был сопряжен со многими трудностями. В отсутствии крова и защиты, им приходилось проходить места населенные незнакомыми и иногда враждебными племенами, подвергаться опасности нападения диких зверей. Все это приходится испытывать и паломникам. Конечно, в малой степени и с той разницей, что вместо медведей и волков, возможно, придется встретить клещей, а вместо вооруженных вотяков и черемисов жителей окрестных сел, равнодушно взирающих на непонятную для них процессию.

Заметим, что и сам вид крестного хода также напоминает военный поход новгородцев – как и воины в строю, паломники идут слаженно, в установленном порядке, за своим командиром – предстоятелем хода, иногда разбившись на *полки*

⁹ Повесть о стране Вятской // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 2. С.12—53.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.